

Марк Твен

№44,
ТАЙНСТВЕННЫЙ
НЕЗНАКОМЕЦ

- [Марк Твен](#)

-

- [notes](#)

-

Марк Твен

История с привидением

Я снял квартиру в самом центре Бродвея, в огромном старом доме; его верхние этажи пустовали многие годы до того, как я там поселился. Это было царство пыли и паутины, одиночества и молчания. В первый же вечер, поднимаясь по лестнице, я испытал смущение и робость, будто бродил среди могил и нарушал покой мертвых. Впервые в жизни в душу закрался суеверный страх, и, когда я свернул в темный угол лестницы и невидимая паутина липкой вуалью окутала лицо, я вздрогнул, словно встретился с привидением.

Добравшись до своего жилья, я с облегчением запер дверь на замок и отгородился от могильного мрака. В камине весело пылал огонь, и я всем существом ощущал блаженство и покой. Прошло часа два; я вспоминал былые времена, передо мною вставали картины минувшего, из тумана прошлого проступали полузабытые лица, звучали голоса, давно смолкнувшие, песни, которые теперь никто не поет. Мои грезы становились все туманнее и печальнее, и оттого завывание ветра за окном звучало плачем-причитанием, а дождь, яростно барабанивший по стеклу, теперь, казалось, постукивал вкрадчиво и уныло. Один за другим стихли звуки улицы, где-то вдалеке замерли шаги последнего прохожего. Наступила полная тишина. Ее нарушал лишь стук моего сердца. Вдруг мое одеяло медленно поползло вниз, будто кто-то стягивал его к ногам. Я не мог шевельнуться. Одеяло все ускользало, вот уже обнажилась грудь. Вцепившись в него изо всех сил, я натянул его на голову. И снова ждал, слушал и ждал. Рывок. Несколько секунд, длившихся целую вечность, я лежал, оцепенев от ужаса; одеяло ускользало. Собравшись с силами, я дернул его на себя и удерживал что было мочи. Ощувив легкое потягивание, я до боли стиснул пальцы. Но одеяло тянули все сильнее, и я не мог его удержать. В третий раз оно оказалось у ног. Я застонал. Послышался ответный стон. Пот каплями проступил у меня на лбу. Жизнь едва теплилась во мне, и вдруг я услышал тяжелые шаги – не человеческую поступь, а как бы топот слона. К моему великому облегчению, шаги удалялись. Кто-то приблизился к двери, вышел, не открывая замка и засова, и побрел мрачными коридорами. Заскрипели полы и балки, потом снова воцарилась тишина.

Когда волнение слегка улеглось, я сказал себе: это кошмар, обыкновенный ночной кошмар. Я размышлял о происшествии, пока не убедил себя, что это и впрямь ночной кошмар. Успокоенный, я рассмеялся и заново ощутил радость жизни. Поднявшись, зажег газовую лампу, убедился, что замки и засовы не тронуты. На душе стало веселей. Я запалил трубку и сел возле камина. Вдруг кровь ударила мне в лицо, дыханье сперло, трубка выпала из похолодевших рук. В золе у камина рядом с отпечатком моей босой ноги появился другой – такой огромный, что мой собственный походил на след ребенка! Значит, кто-то здесь был и слоновий топот мне не померещился.

Я погасил свет и лег в постель, парализованный страхом. Нескончаемо тянулись минуты, я лежал, вслушиваясь в темноту. Раздался скрипучий звук, будто волокли тяжелое тело, потом грохот, будто его швырнули на пол, и стекла в оконных рамах задребезжали. Со всех сторон захлопали двери, слышались осторожные шаги: кто-то бродил по коридорам, вверх и вниз по лестницам, подходил к моей двери и, поколебавшись, удалялся. Временами до меня доносился кандалный звон. Я прислушался: он звучал все явственней. Кто-то медленно поднимался по лестнице, и звон цепей сопровождал каждое движение, кандалы гремели в такт шагам. Я улавливал приглушенные разговоры, полузадушенные крики, шорох незримых крыл. Мое жилье подверглось нашествию, мое одиночество было нарушено.

Возле кровати слышались вздохи, приглушенный шепот. На потолке прямо у меня над головой заалели три пятна. Какое-то мгновение они излучали мягкий свет, потом капли тепловатой жидкости упали мне на лицо и на подушку. Даже в темноте я догадался, что это – кровь. Передо мной возникли бледные, неясные, как сквозь туман, лица; бескровные руки, вздетые к небу, проплыли в воздухе и тут же исчезли. Внезапно все стихло – и шепот, и голоса, и неясные звуки; наступила гробовая тишина.

Я ждал, весь обратившись в слух. Чувствовал, что умру, если тотчас же не запыхает огонь в камине. Скованный страхом, я медленно приподнялся, и чья-то холодная, влажная рука коснулась моего лица. Силы покинули меня, и я упал как подкошенный. Послышалось шуршание одежды, кто-то направился к двери и, не открывая ее, вышел наружу. Снова воцарилось безмолвие.

Еле живой, я с трудом сполз с постели, руки у меня тряслись, как у старца, я едва зажег свет. Он принес некоторое облегчение. Сидя у камина, я погрузился в созерцание отпечатка огромной босой ноги. Постепенно ее очертания стали расплываться перед глазами. Газовый свет тускнел. Я

снова услышал слоновий топот. Шаги приближались, они звучали все отчетливей и тверже в мрачном коридоре. Свет лампы становился все слабее и слабее. Тяжелые шаги стихли у самой двери. Синеватый чохоточный огонек замерцал, и вся комната погрузилась в сумеречную полутьму. Дверь была по-прежнему заперта, но вдруг дуновение ветра коснулось моей щеки, и я ощутил прямо перед собой что-то огромное, колышущееся и туманное. Я не мог оторвать глаз от живого облака. Излучая бледный свет, оно постепенно приобретало определенные очертания. Появились руки, ноги, тело, и наконец я увидел сквозь дымку огромное печальное лицо. Сбросив туманные покровы, передо мной предстал обнаженный мускулистый красавец – великолепный Кардиффский великан.

Все мои страхи тут же улетучились: даже ребенок знает, что добрые великаны не причиняют зла. Я снова воспрял духом, и в полном согласии с моим настроением засветилась газовая лампа. Ни один изгой не радовался обществу, как я, увидев перед собой добродушного великана.

Так это ты? – вскричал я. – Знаешь, за последние два часа я чуть не помер со страху. Какая радость, что ты пришел! Постой, не садись!

Я спохватился слишком поздно. Он сел и тут же оказался на полу. Никогда не видел, чтоб стул в один миг разлетелся вдребезги.

– погоди, сломаешь...

Опять опоздал! Послышался треск, и еще один стул распался на первоначальные элементы.

– Черт бы тебя побрал! Ты соображаешь, что делаешь? Всю мебель хочешь переломать? Иди сюда, дурак окаменелый!

Все напрасно. Не успел я и слова молвить, как великан уселся на кровать, и от нее остались жалкие обломки.

– Слушай, как прикажешь это понимать? – возмутился я. – Сначала вламываешься в мою квартиру, тащишь за собой целый полк нечистой силы – бродяг и бездельников, чтоб запугать меня до смерти, потом являешься сам в неприличном виде! В цивилизованном обществе такое допускается только в респектабельных театрах, да и то нагишом там разгуливают лица другого пола, а теперь вместо возмещения морального ущерба ты ломаешь мебель? Зачем ты это делаешь? Вред не только мне, но и тебе. Гляди – отбил себе крестец, весь пол завален осколками твоего окаменелого зада, будто это не квартира, а мраморная мастерская! Стыдись! Ты не малое дитя, пора соображать, что к чему.

– Ладно, больше не буду. Войди в мое положение – я не сидел больше столетия, – пробурчал великан виновато.

– Бедняга, – смягчился я, – пожалуй, я обошелся с тобой слишком сурово. Ведь ты, наверное, сирота? Садись на пол. С твоим весом только на полу и сидеть. Ведь если ты все время нависаешь надо мной, какая тут беседа? Садись на пол, а я залезу на высокий конторский стул – вот мы и поболтаем.

Великан накиннул на плечи красное одеяло, надвинул на голову, словно каску, перевернутый таз и, закутив мою трубку, расположился на полу в непринужденной живописной позе. Я развел огонь в камине, и он придвинул к живительному теплу пористые ступни огромных ног.

– Что у тебя с ногами? Отчего они потрескались? – спросил я.

– Да это проклятые ознобыши, – отвечал великан. – Когда я, окаменев, лежал под фермой Ньюэлла, ознобыши пошли по всему телу – от пяток до затылка. Но я все равно люблю эту ферму, она для меня словно отчий дом. Нигде не чувствую такого покоя, как там.

Мы поболтали еще с полчаса, я заметил, что у моего гостя усталый вид, и сказал ему об этом.

– Усталый? – переспросил он. – Да, пожалуй. Ты был добр ко мне, и я расскажу тебе все без утайки. Я – дух Окаменелого человека^[1], что лежит в музее напротив твоего дома. Я – привидение Кардиффского великана. Мне не будет мира и покоя до тех пор, пока мое бедное тело не предадут земле. А как проще всего заставить людей выполнить мою волю? Я решил: застрашаю их привидением, появляющимся возле тела. И вот ночь за ночью я брожу по музею. Призвал на помощь других призраков. Только старался я понапрасну: кто же посещает музеи ночью? Тогда мне пришла в голову другая мысль – запугать людей в доме напротив музея. Думал, из этой затеи выйдет толк, если меня выслушают со вниманием. К тому же со мной были самые страшные призраки из осужденных на вечное проклятие. Ночи напролет мы дрогли в этих затхлых коридорах, волочили за собой цепи, стонали, зловеще перешептывались, топали вверх и вниз по лестнице, и, сказать по правде, я выбился из сил. Но сегодня я увидел огонек в твоём окне и обрадовался, и взялся за дело с жаром, как в былые времена. Дошел до полного изнеможения. Умоляю, подари мне хоть призрачную надежду!

Я сорвался с места как ошпаренный и закричал:

– Ну, ты дал маху! Бедный окаменелый чудак, все твои труды пропали даром! Ты слонялся возле гипсовой копии. Подлинный Кардиффский великан – в Олбани! Что же ты, сто чертей и одна ведьма, собственные останки от подделки отличить не можешь?

Я никогда не читал на чьем-либо лице такого откровенного желанья

провалиться сквозь землю от стыда и унижения. Окаменелый человек медленно поднялся с пола и спросил:

– Скажи честно, это правда?

– Как то, что я стою перед тобой.

Великан вынул трубку изо рта и положил ее на каминную доску. С минуту постоял в нерешительности, задумчиво склонив голову на грудь, бессознательно, по старой привычке заложив руки в карманы несуществующих брюк, и наконец произнес:

– Да, никогда раньше я не попадал в такое дурацкое положение. Окаменелый человек сам надувал кого угодно, а теперь он, подлый мошенник, предал свой собственный призрак. Сын мой, если в твоём сердце осталась хоть капля жалости к бедному одинокому привидению, никому не рассказывай об этом случае. Подумай, каково мне чувствовать себя ослом?

Я слышал его величавую поступь – шаг за шагом, – пока он не спустился по лестнице и не вышел на пустынную улицу. Я жалел, что он ушел, бедняга, но еще больше, что он унес мое красное одеяло и таз для умывания.

---

notes

Примечания

Подлинный факт. Первоначально фальшивка была искусно воспроизведена другими мошенниками. «Единственный подлинный Кардиффский великан» демонстрировался в Нью-Йорке (к неопишуемому возмущению другого «подлинного великана»), а в то же время толпы людей сходились посмотреть на него в музее города Олбани. – **М.Т.**

Марк Твен собирался подробнее остановиться на этой теме. Он и раньше обуздывал увлечение своих соотечественников «чудесами» («Окаменелый человек»), а теперь намеревался высмеять стремление «ученых мужей» теоретизировать, опираясь на ничтожное количество фактов. Герой упоминает об окаменелых бронтозаврах, открытых в Вайоминге: «Теперь мне и не верится, что мы считали бронтозавра доадамовой коровой».